

ДНЕВНИК 1915—1917 гг.

Вступительная статья и публикация А. М. Крюковой

Дневник Толстого 1915—1917 гг. занимает промежуточное положение между дневниками 1911—1914 гг. и 1917—1936 гг. не только по хронологическому признаку, но и по существу, характеру отбора жизненных фактов. Обозначив в нем (как и во всех других дневниках) точные хронологические рамки, Толстой сразу же указал на его своеобразие. Дневник писателя 1911—1914 гг. заканчивается двумя важнейшими событиями в его жизни: встречей с Н. В. Крандиевской и началом первой мировой войны. Причем оба события оказываются, как ни странно, вполне соотносимыми в творческом сознании Толстого: «Война и женитьба на Наталии Васильевне Крандиевской были рубежом моей жизни и моего творчества,— напишет он в позднейшей автобиографии.— Я ушел от литературных кружков [к жизни, к страданию, к страстям] и коснулся жизни. Моя жена дала мне знание русской женщины»¹.

Этому этапу жизни писателя и посвящен Дневник 1915—1917 гг. Как и в предшествующем дневнике, Толстой запечатлевает в нем события, факты наблюдаемой жизни: «В трамвае...», «В кружке Архипов...», «Извозчик...» и т. д. Подобные записи имели в предшествующем дневнике пометки: «Вспомнить», «Не забыть», «Тема» и т. д. В комментируемом дневнике таких пометок нет, но творческое назначение записей подразумевается как бы само собой. Однако в Дневнике 1915—1917 гг. Толстой словно сосредоточивается исключительно на себе, на своей личной, интимной жизни, фиксируя малейшие нюансы отношений с любимой женщиной («Ехали с Наташей из Ивапъкова в поезде...», «Любовь таинственна тем...», «С Наташей пошли за деревню на березовый косогор вдоль реки...» и т. д.). Он как бы сознательно ограничивает круг попадающих в этот, по самому своему предназначению интимный, документ явлений действительности: в стране назрела революционная ситуация, шла война, и писатель принимал в ней участие (как корреспондент газеты «Русские ведомости» выехал на фронт и создал первые свои публицистические статьи; с группой журналистов русских газет посетил Англию) — но эти события в значительной части остаются за пределами дневника... При первом знакомстве с комментируемым дневником бросается в глаза именно эта сторона его (особенно осязаемая в сравнении с другими дневниками писателя): какая-то случайность, незавершен-

ность записей, эмпиричность удаленного от суеты бытия «пейзажного мышления»². Сосредоточенность Толстого на себе, на своем внутреннем мире приближает дневник к дневникам классического типа. Он явился лишь одним из проявлений творческого самовыражения писателя; впечатления же социально-общественной жизни нашли творческую реализацию в многочисленных публицистических статьях, оказавшихся по характеру и стилю чрезвычайно близкими дневниковым записям. В этом нетрудно убедиться, обратившись к военным статьям Толстого, в которых личностный, лирический момент превалирует над описанием (см. циклы статей 1915—1916 гг. — «По Волыни», «По Галиции», «На Кавказе»), в еще большей мере личностное начало ощутимо в статьях, в которых освещена поездка в Англию и которые стали своеобразным «дневником путешествия».

Близость публицистических статей Толстого дневниковым записям 1915—1917 гг. выразилась и в его выступлениях на общественно-политические темы; статьи так и озаглавлены: «Из дневника на 1917 год»³, «Из записной книжки»⁴. Можно предположить, что это не только известный литературный прием, а «дневниковость» как качество мышления, заложенное в самом замысле статей:

«Я приехал на фронт из Москвы, из тыла, истерзанный разговорами о том, что Россия вообще кончается, что нельзя продохнуть от грабежей и спекуляции, общество измызгано, все продано и предано,— писал Толстой в статье „Из дневника на 1917 год“.

Подобное душевное состояние — всем знакомо и осточертело, и мне тоже, конечно. Работать,— писать пьесы и повести,— я больше не мог: до книг ли, когда гроза уже за окнами. (...) Помню, в начале войны многое казалось истинным откровением. Появились герои среди обычных обывателей. Впервые, с оглядкой и робостью, произнесено было слово „родина“⁵. Следующая статья этого своеобразного «дневника» («Из записной книжки») стала первым откликом писателя на события Февральской буржуазно-демократической революции. Сравнивая статью «Из записной книжки» с публицистическими выступлениями писателя, посвященными тем же событиям — статьями «Первого марта» и «Двенадцатого марта»⁶, — можно легко убедиться в ее дневниковом характере.

Записи комментируемого дневника являются как бы фоном этих выступлений Толстого. Ср. в дневнике: «Извошник: Мужик — корову отдай, лошадь отдай, сыновей на войну послал, сам пошел, а вы капитал свой отдали? стыдно — баржуи...» Стоит добавить к тому же, что Дневник 1915—1917 гг. сосуществовал в творческом сознании Толстого не только с его публицистическими выступлениями, но и с материалами действительно личного характера: письмами Н. В. Крандиевской (см. публикацию их в наст. книге); кроме того, к 1916 г. относится и попытка осознания Толстым своего творчества — в широко известной в литературе автобиографии, оставшейся незавершенной⁷. Вместе с тем Дневник 1915—1917 гг., будучи связанным внутренне (по материалу, стилю, интонации) с перечисленными документами, имеет собственное «лицо» и занимает свое место в творческой биографии Толстого.

Это очень маленькая по формату, изящная книжечка, записи в которой делались не наспех, как в других дневниках, а аккуратно, продуманно, в которую заносилось только самое важное, итоговое из размышлений писа-

теля о жизни (и потому долженствующее быть скрытым от постороннего чтения). Записи личного характера, действительно преобладающие в дневнике, существуют рядом с наблюдениями из реальной жизни: «На станции мальчик приносит мне чаю...», «Я еду со станции на таратайке...», «Извозчик», «На станции бабы...» и др. В таком ряду «личные» записи приобретают общественный и творческий смысл: нюансы взаимоотношений с любимой женщиной дадут писателю, как он скажет позднее, «знание русской женщины»; описания природы, запечатленные в дневнике, приобретут в дальнейшем художественный смысл: не случайно многие из них Толстой переписует в общественно-политический, исключительно творческий Дневник 1917—1936 гг.

Дневник 1915—1917 гг. публикуется впервые, по подлиннику, поступившему в ИМЛИ в 1982 г. (ф. 43, оп. 2).

¹ Толстой А. Автобиография, 1923 г.— ОР Гос. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 474, альбом 2, л. 155—164. Опубликовано (с неточностями): ЛГ, 1970, 18 февр. Цит. по подлиннику.

² Так характеризует дневники И.-В. Гете Кафка, размышляя о своеобразии дневников писателей прошлого века. См.: Кафка Ф. Разговор с самим собой.— ЛГ, 1983, 21 июля.

³ Рус. ведомости, 1917, 15 янв., 8 февр.

⁴ Народопрямство, 1917, № 1, с. 14.

⁵ Рус. ведомости, 1917, 15 янв.

⁶ Статьи впервые напечатаны: Рус. ведомости, 1917, 14 и 17 марта; см.: 10, 20—21; 10, 22—24.

⁷ Толстой А. Автобиография, 1916 г.— ИМЛИ, ф. 43, № 6237.

〈ДНЕВНИК 1915—1917 гг.〉

1915 год

В трамвае: «Эти годы я была в колебательном состоянии, а раньше я могла ведь сделать карьеру».

В кружке Архипов¹ сидел с ничтожной, некрасивой женщиной. (Он жил, любил, жизнь становилась все тусклее, новая связь, жалкая, очевидная самому).

Поле поседело от ковыля. Шумит береза, а позади нее из белого облака заворчал гром. Береза на ветру стоит крепко и шумит вся сверху донизу. Налетело облако, спал жар, и коровы, торопливо фыркая, отмахиваясь тяжелыми головами от слепней, принялись рвать траву. <...〉

Приличные, бездарные отты поют: Женичка, Женичка, как вы хороши, и т. д.

У знаменитого юмориста было лицо мальчишки, облагавшего после порки.

Утро в Иванькове. (Мы с Наташей выбежали в рубашках). Коралловый рассвет².

Коктебель³. Сидели в лодке, взошла луна. Наташа собирала камушки даже на теннисе. Концерт. Ссоры участников. Мандельштам в плаще лавочницы осенью один⁴.

В лифте барышня смотрит в зеркало: «Нарим, нарам!»

26 июля в Коктебеле был Богаевский⁵, прощался, везде посидел, сказал: «За последнее время видел сны, будто уже мертвый прихожу в мастерскую, и все мне чуждо, точно я был тогда другим. Сейчас приезжаю в Феодосию, вхожу в мастерскую — то же чувство».

Швейцар от скуки читает свой паспорт. Звонит по телефону, просит номер какой-нибудь. Говорит: «Ало, откуда?»

В парикмахерской взлохмаченная кукла со стеклянными, как у покойников, глазами, и надпись: «Прививка волос».

В Петрограде⁶. Разговор с Надей Зноско-Б(оровской)⁷: «Пять лет я думала только о том, что ему полезно, а сейчас хочу сделать то, что совсем ему не полезно. Это очень трудно. Он все время спит».

Маргоша⁸ привела мальчишку-добровольца, говорит искусственным языком.

В мороз Москва вся в клубах белого дыма.

Тайна (иррациональная) орехов в том, что их нужно разгрызать.

Жилкин⁹ видел во сне приятеля (в тот час убитого): «Ты мертвый?» — «Это выяснится через 20 минут».

Плохо, когда человек начинает с селедки — значит, напьется.

Всеволод¹⁰: у меня новость, кажется, женюсь (покраснел) и т. д. — Ты любишь ее? — Да, когда я с ней, то люблю, а когда не вижу — не думаю о ней совсем.

На Новый год она завилась барашком и непрерывно разговаривала.

Приказчик надел чистый воротник напоказ. Это значит не больше, что на человеке чистый воротник.

Тетка встала и заговорила про бога неестественно, как актриса. Он глядел и думал: «Это, по-видимому, религиозный экстаз».

Усладительный ребенок.

[Тема] Получаются такого рода письма:

«Стук, стук — в окошко. Переход отходом в нездешний мир имею честь покорнейше просить вас притти на свидание (на Куз-

нецкий). Отчего вы онемели? Приходите, я не могу, чтобы на меня кто-нибудь сердился. Неужели я не могу умереть спокойно? Зову и жду!»

Разрыв Дюны с Володей¹¹. Кошмарная ночь, ворвался дядя Вася. Поцелуй руки. Бабушка и Володя одни, дождик; он сидит, курит, она бежит, сушит белье. Ответь. Он молчит. Ушел вешаться? Она бежит наверх — он укладывает мокрое белье, переливает духи в пузырянку для глазных капель. Бабушка, прощаясь, зарыдала. Он для вида потрясся в коленях.

Кухарка Таня пьет японский гриб, настаивается он целый год... Допилась чуть не до смерти.

Слепой дождь.

Рассказ Файдыша¹² об офицере, игравшем в карты в блиндажной землянке,— он наиграл целую кучу и вышел. Пуля убила его, в лоб. Нашел денщик. Офицеры собрали долги, послали жене убитого¹³.

Ехали с Наташей из Иванькова в поезде. Прикосновение руки¹⁴. Рука, появляющаяся из перчатки. Наташа говорила о русской природе, о скудости и тоске ее, и о любви, как нигде расцветающей в этой скудной природе.

Достоевский и Диккенс. Достоевский говорит о тех, кто получает пощечину, Диккенс — о тех, кто ее дает. Оба любят детей¹⁵.

Он приходил в дом друга и, роясь, находил там всегда книги в синих обложках, завлекательные, тягучие и таинственные.

Читал их в сумерках, слушая, как за окном шумит море. И дом казался ему таинственным, знаменательным в его жизни. Эти часы он постоянно вспоминал¹⁶.

На душе становилось коломытно (тошновато, кисло).

Наташа сказала про Дюну: если он (Файдыш) не придет, Дюнка обидится и полюбит еще сильнее.

Любовь таинственна тем, что на различных ее ступенях человеком овладевают различные и противоположные чувства. (Наташа сказала: приятно чувствовать себя твоей собственностью). При ином напряжении (или изменении, капризе) любви ей приятно чувствовать меня ее собственностью¹⁷.

Вечер. Москва с балкона. Над всем городом мгла сгустившихся испарений. Полосы света на куполе храма Христа Спасителя.

Женщина соскочила со всех катушек.

Война есть лишь пущенный на более быстрый ход маятник жизни.

У очень толстых женщин необычайно кроткое выражение глаз.

В кануны войн, обыкновенно, умирают и гибнут замечательные люди.

На станции Ока. Солдаты переносят багаж через мост. Наташа на палубе маленького парохода. Разговор. Закат, синие, застывшие по всему небу облака и длинный мост, с движущимися вагонами, отражаются в реке, темной и гладкой, как зеркало. Красноватые полосы заката между мостом и водой. Круглый, несветящий месяц.

На станции мальчик приносит мне чаю, рассказывает про каких-то господ, которые ехали на пароходе, сели на мель, промокли, явились на станцию, у одного сапоги задрались кверху носками, съели весь буфет. «Ночью дремлетя, вспомню и засмеюсь».

Сторож кричит на солдат, шлюющихся по станции со штыками, зовет «дармоеды, молодчики», солдаты боязливо жмутся.

Ст<анция> Тарусская, утро, рожь, мысок. Свистят птицы, над кленами кричат грачи. Глупые бабы. Типы: сопливый оборвыш, пьяненький помощник, полегший с утра на содовую. Кучки бабьих тел, спящих на полу, между окурков.

Прогулка с Наташей на Оку, ночью. Роса, дергачи, встала луна над мысом.

Я еду со станции на таратайке. Акулина. Сидит, выставив ногу в огромном башмаке, рот поджала, носик вострый, думает. Одна (муж давно помер), всех детей вырастила, в августе сразу двух сыновей берут в солдаты, остается 10-летний. Природой, понимается, не любитя. Про мужика сказала: «Здесь земля слабая».

Идем с Наташей по полю по дороге к Оке. Наташа рассказывает, как в детстве играли в чижик. Молчали. «Юность хороша в воспоминаниях, а сама по себе — без соли. Сейчас я сохранила в себе все, что было во мне в 15 лет, но стала глубже и покойнее».

С Наташей пошли за деревню на березовый косогор вдоль ржи. Низкое солнце ударило из-под тучи. Тишина. Небо темно-сизое, грозное и мрачное, на нем мокрые березы, темно-зеленые, залитые низким солнцем. За оврагом высокий березовый мыс. Наташа сказала: «Подумай, этот вечер никогда не повторится».

А. Н. Толстой.
Фотография. 1916, ИМЛИ

Лежали на той стороне на песке. Синее небо, летели белые облака, Серая река, глинистый обрыв, лес за ним, в небе коршуны.

На правах поэта он изменял жене, и женщинам говорил, что его гложут демоны. Жена простила ему все наперед. К женщинам у нее было особое чувство, не злое, скорее терпкое любопытство, и она ничего не имела против, когда с ними что-нибудь случалось.

В тончайшей материи двойного сна (сна во сне) к Наташе является издеватель. Он не может даже сам войти, а проникает вслед за кем-нибудь, плывя невысоко над полом. В последний раз он пришел в шапочке Пьеро.

Не забыть рыбную ловлю. Бычаги. Сырые луга. Медовые цветы. Закат.

Утро. Роса. Тишина. Начинается жизнь. Вышел лысый толстяк, прошелся около окошек и вернулся на балкон. Австриец привез бочку с водой. Из домика между берез — дым. Три ленивые бабы на огороде стегаются крапивой. Прошел управляющий в подтяжках и шапочке. Стонут куры. Медовым голосом свистит иволга, точно в дудку с водой. Песок на дорожках ярко-желтый. *Вдруг издали глухой торжественный шум, хотя березы еще недвижны.* Вдруг вершины их склонил ветер. Закружились сухие листочки, зашуршал дуб, и молча, беспорядочным полетом промчалась растрепанная ворона. Ветер гнул деревья и пронес еще двух ворон. На небо напозла сине-свинцовая туча, над ней шибко неслись обрывки облаков. Курица забралась под куст, и, [глядя] косясь на небо, подобрала всех цыплят под крылья. [Небо] Вся туча неярко мигнула зеленоватым светом, и по небу заворчал гром, сильнее и раскатистее. Упала холодная тяжелая капля. В доме хлопали затворяемые окна ¹⁸. <...>

Сверчок, который жил у меня на столе.

Уполномоченных на фронте зовут «земгусары» или «союзные генералы» ¹⁹. <...>

Мы не любим вещей, которые остаются неизменными в нашем употреблении. Мы привязываемся к вещам, которые в руках у нас

стареются, мы чиним их, и перед тем, как им развалиться, любим их всего сильнее.

Рассказ об офицере-наблюдателе, который глядел в бинокль на атаку наших солдат. Они добежали до окопов и стали вышвыривать оттуда на трассах немцев, как снопы. Он без чувств повалился с дерева.

Вечерами над Москвой летит множество галок. Они возвращаются кто на Арбат, кто на Мясницкую, кто <на> Разгуляй.

К Ященко ²⁰ пришел кот, облазил все книги, переловил мышей и стал молиться на хозяина. Когда Сандро читает вечером, кот садится за его спиной и молитвенно машет лапами.

Тетка: «У них не драно — грамота все идет». «Почему?» «Так, ревнует она его все».

1917 год <январь — июнь>

Извозчик: «Мужик — корову отдай, лошадь отдай, сыновей на войну послал, сам пошел, а вы капитал свой отдали? Стыдно — баржуи».

Народ из садов валит — пушкой не прошибешь.

Кровожадные баржуи.

В городке тихо, полдень, птички... Вдруг крики — несутся: «Бей!» — «Кого?» — «Лавошник Митрий обвесил: Бей!»

В Иванькове вечером пошли во мгле на поляну, где пни. Небо покрыто желтовато-свинцовыми тучами, низкими и мягкими. На их фоне тончайшая, еще более темная листва высоких берез. Внизу меж стволами — длинная полоса уже выпцветшего оранжевого заката. Пролетел бесшумно между березовых вершин козодой. Тишина, и все без движения. Упало несколько капель.

Не забыть — крестьянский сход на буграх.

Буря. Гнущиеся деревья, летящие ветви, и град, ливень... Белые молнии от неба в пущу леса.

На станции бабы:

- Думает — кормить, поить будут, ну и сдался.
- Да и оказалось, по три дня не евши.
- Жив, здоров, и слава богу.
- За ноги их подвешивают на 3 часа.
- Да ведь кабы знавши-то, он бы не сдался.

Рассказ Нарокова²¹ (в саду, в кружке) о том, как он видел чертика в ободке отдушника. Чертик был серенький, как туман, затем стал прыгать в окно над дверью.

Весной на балконе 7-〈этажного〉 дома²². Закат, дымы, вдали в тумане огромное здание с круглой, мерцающей стеклами, крышей. Тишина. Тучи. Запах листвы.

Демагог требует казни. Из толпы выходит N, подает демагогу нож и говорит про себя — убей...

У нее зеленое платье. Постоянно зябнет. Смотрит на мужа с ужасом. Муж ее жалеет. «Люблю, потому что ненавижу». «Только уродливое прекрасно». «Вы мне нравитесь, потому что я вас боюсь», и т. д.

— Ребята, беги, Корнилов.

— Кого давят-то?

— Корнилова.

— Милюков... Ура... Ура...

Толпа кинулась с ревом, давя и толкаясь, как на убийство. Уносимая ее течением вдоль грибных лавок, в облаке пыли двигалась седая голова Милюкова с приподнятым судорожно котелком.

— Это, знаете, бог с ней, с популярностью, если так...²³

Литература — чистое искусство — это отстоявшееся вино жизни. А что же я поделаю, когда вино взбаламучено и бродит, когда сам черт не разберет, что это — деготь или мед...

¹ Очевидно, Абрам Ефимович Архипов (1862—1930), художник, примыкавший к передвижникам, в 1910-е годы преподавал живопись в Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве.

Знакомство Толстого с ним могло произойти в 1912—1913 гг., после переезда Толстого на постоянное жительство в Москву. В те же годы писатель не раз бывал, как свидетельствует С. И. Дымшиц-Толстая, «в Литературно-художественном обществе на Большой Дмитровке» (*Воспоминания*, с. 74). Скорее всего, это общество имеет в виду Толстой, говоря о «кружке», в котором он видел Архипова.

² Наташа — Наталия Васильевна Крандиевская, поэтесса, с 1915 г. — жена Толстого.

В мае-июне 1915 г. Толстой с семьей жил на даче А. Глухова в деревне Иваньково, на станции Покровское-Стрешнево, под Москвой.

³ Конец лета 1915 г. Толстой провел в доме М. А. Волошина в Коктебеле.

⁴ Имеются в виду разного рода мистификации, театрализованные представления, устраиваемые в доме Волошина, организаторами и активными участниками которых были хозяин дома, поэт О. Э. Мандельштам (1891—1938) и др. См. об этом в наст. книге, в Дневнике 1911—1914 гг.

⁵ Константин Федорович Богаевский; см. Дневник 1911—1914 гг. и примеч. 127 к нему.

⁶ Запись датируется первой половиной декабря 1915 г., когда Толстой приезжал из Москвы в Петроград для устройства своей пьесы «Нечистая сила» (см. в наст. книге письма Толстого Н. В. Крандиевской от декабря 1915 г.).

⁷ Надя Зноско-Боровская — очевидно, жена Михаила Александровича Зноско-Боровского, с семьей которого Толстой был знаком (упоминается в письме Толстого к секретарю редакции журн. «Аполлон» Евгению Александровичу Зноско-Боровскому, брату М. А. Зноско-Боровского. — ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 41).

⁸ Маргоша — скорее всего Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888—1984).

⁹ Иван Васильевич Жилкин (1874—1958) — писатель, журналист, вместе с которым Толстой как корреспондент газеты «Русские ведомости» выезжал на фронт; см. в наст. книге письма Толстого Н. В. Крандиевской.

¹⁰ Скорее всего Всеволод Васильевич Крандиевский, брат Н. В. Крандиевской (устное свидетельство Н. П. Навашиной-Файдыш).

¹¹ Дюна — Надежда Васильевна Крандиевская, сестра Н. В. Крандиевской. Володя — неустановленное лицо.

¹² Петр Петрович Файдыш, муж Надежды Васильевны Крандиевской.

¹³ Запись, так же как и сделанная ранее («Жилкин видел во сне...»), была использована в «Рассказе проезжего человека»; 1917, январь (3, 14).

¹⁴ Ср. эту запись с более ранним стихотворением Толстого, посланным им в письмо Н. В. Крандиевской в конце января — начале февраля 1915 г. (см. в наст. книге письма Толстого Н. В. Крандиевской), которое начинается так:

Рука твоя прикосновеньем	И суета со сновиденьем
Открыла вещей взор и слух;	Переплелись — с подругой друг...

¹⁵ К этой записи Толстой сделал позднее пометку: «Это неверно».

¹⁶ В записи отразились, по-видимому, впечатления самого Толстого от посещения дома Волошина в Коктебеле (см. Дневник 1911—1914 гг., где излагается содержание одной редкой книги из библиотеки Волошина, и примеч. 109 к нему).

¹⁷ Этими размышлениями был рожден один из лучших рассказов Толстого о любви — «Для чего идет снег»; 27 сентября 1915 г. он писал о нем своей тетке М. Л. Тургеневой: «Прочти в сегодняшнем номере „Русских ведомостей“ мой рассказ о начале нашей любви, и ты поймешь, какой силой мы связаны» (ИМЛИ, ф. 43, н. п.).

¹⁸ Описание природы, с небольшими изменениями, было включено Толстым в Дневник 1917—1936 гг.

¹⁹ Как уполномоченный Всероссийского земского союза городов Толстой в конце 1916 — начале 1917 г. находился в Минске, в Комитете Западного фронта этого союза.

²⁰ Сандро — А. С. Яценко; см. в наст. книге Дневник 1911—1914 гг. и примеч. 22 к нему; Дневник 1918—1923 гг. и примеч. 51 к нему.

²¹ Михаил Семенович Нароков (Якубов; 1879—1958) — актер и режиссер; играл в спектаклях Московского драматического театра по пьесам Толстого.

²² С января 1915 г. Толстой с семьей жил в Москве на Малой Молчановке, дом 8, квартира 19.

²³ В комментируемой записи впервые в дневниках Толстого упоминается имя Корнилова, личности, интересовавшей писателя (см. также Дневник 1917—1936 гг. и Дневник 1918—1923 гг.). Милюков П. Н. (1859—1943) — министр иностранных дел Временного правительства, после революции — белый эмигрант; «популярность», о которой говорится в записи, связана, очевидно, с нотой Милюкова от 18 апреля (1 мая) 1917 г., направленной им от имени Временного правительства странам Антанты. Нота, выражавшая решимость России про-